ПАТРІАРХЪ ФОТІЙ

И

ВИЗАНТІЙСКОЕ БОГОСЛУЖЕНІЕ ЕГО ВРЕМЕНИ.

Н. Ѳ. Красносельцева.

ОДЕССА.
Тип. Штаба Одесскаго Военнаго Округа, Тираспольская ул., д. № 14.
1892.

ПАТРІАРХЪ ФОТІЙ

И

ВИЗАНТІЙСКОЕ БОГОСЛУЖЕНІЕ ЕГО ВРЕМЕНИ.

Н. Ѳ. Красносельцева.

ОДЕССА.
Тип. Штаба Одесскаго Военнаго Округа, Тираспольская ул., д. № 14.
1892.

Печатано по распоряженію Правленія Императорскаго Новороссійскаго Университета.

Ректоръ *И. С. Некрасовъ*.

Патріархъ Фотій и Византійское богослуженіе его времени *).

ММ. ГГ.

Одною изъ самыхъ выдающихся по своей вліятельности сторонъ византійской культуры, носителемъ которой былъ безспорно чествуемый нами нынѣ патріархъ Фотій, была сторона религіозная, церковная, и въ частности церковный обрядъ, культъ или православное богослуженіе. Объ этой-то сторонѣ византійской культуры, объ этомъ, можно сказать, ея преобладающемъ элементѣ, сообщившемъ ей яркую и своеобразную окраску, о церковномъ культѣ или богослуженіи, я и намѣренъ предложить Вашему вниманію нѣсколько своихъ разсужденій, полагая, что весьма прилично почтить память блаженнаго патріарха разсмотрѣніемъ такого явленія, съ которымъ онъ, какъ архипастырь, естественно долженъ былъ имѣть ближайшее соприкосновеніе.

Но культъ есть явленіе очень сложное; разсматривать его во всей его полнотѣ для настоящаго случая было бы слишкомъ много и несовсѣмъ умѣстно. А потому мы постараемся по возможности ограничить нашъ предметъ. Культъ есть совокупность разнообразныхъ внѣшнихъ формъ, служащихъ для обнаруженія во внѣ религіи, которая, будучи достояніемъ человѣческаго духа, по общечеловѣческимъ законамъ психической жизни требуетъ себѣ соотвѣтствующаго обнаруженія во внѣ. Формы этого обнаруженія суть тѣ же самыя, какія служатъ и вообще для всѣхъ обнаруженій жизни человѣческаго духа. Теорія культа

*) Рѣчь, произнесенная въ публичномъ собраніи Историко-Филологическаго Общества 6-го февраля 1891 года, въ день тысячелѣтія кончины святѣйшаго патріарха Фотія.

указываетъ на три такія общечеловѣческія формы, служащія для обнаруженія религіи во внѣшнемъ культѣ. Это 1) — форма словесно-музыкальная, это — языкъ, слово въ соединеніи съ звукомъ; это—самая высшая и совершенная изъ формъ; 2) форма дѣйствій и жестовъ, форма, такъ сказать, мимико-драматическая, церемоніальная и 3) форма вещественныхъ символовъ, форма, такъ сказать, художественная. Какъ ни интересно было бы разсмотрѣніе художественныхъ формъ византійскаго культа: — архитектуры, въ области которой Византія созданіемъ храма св. Софіи указала искусству новые пути, скульптуры, живописи и вообще всего храмоваго убранства, но мы оставляемъ этотъ предметъ въ сторонѣ. Оставляемъ мы въ сторонѣ и чисто церемоніальную сторону, тоже весьма интересную. Мы остановимъ свое вниманіе главнымъ образомъ только на словесныхъ формахъ виз. богослуженія. Формы эти въ православномъ культѣ самыя важныя и самыя обильныя. Онѣ преобладаютъ въ этомъ богослуженіи до такой степени, что къ нему прилагается иногда специфическое названіе: *словесная служба.* Впрочемъ и изъ словесныхъ формъ мы избираемъ только два вида, а именно формы *дидактическія* или богослужебное проповѣдничество и *поэтическія* или богослужебное пѣснопѣніе. Это — потому, между прочимъ, что здѣсь главнымъ образомъ мы можемъ указать слѣды всеобъемлющей дѣятельности патріарха Фотія и его заслугъ.

Итакъ посмотримъ, какую постановку имѣли оба указанные нами элемента т. е. дидактическій или проповѣднический и поэтическій въ византійскомъ константинопольскомъ богослуженіи до Фотія и при Фотіи и какое участіе принималъ Фотій въ ихъ развитіи и упорядоченіи?

Византійское богослуженіе есть то самое, какое имѣемъ и мы, хотя конечно въ теченіе своей длинной исторіи оно въ разныя эпохи имѣло нѣкоторыя отличія или въ общемъ своемъ составѣ, или въ постановкѣ и развитіи составныхъ своихъ элементовъ. По отношенію къ богослуженію древне-христіанскому оно также не представляетъ изъ себя чего либо совершенно особаго. Оно есть прямое продолженіе его и развилось на его основѣ. Какова же была эта основа, особенно по отношенію къ указаннымъ нами элементамъ? Общій характеръ состоялъ здѣсь въ необыкновенной жизненности и свободѣ при полной цѣлесообразности и упорядоченности. Въ частности, что касается дидак-

тическаго или проповѣдническаго элемента, то онъ въ видѣ чтенія св. Писанія и живой проповѣди имѣлъ въ первохристіанскомъ богослуженіи необыкновенно широкое развитіе и свободную постановку, составляя однакожъ неизбѣжный и необходимый элементъ. Всѣ древнія описанія этого богослуженія согласно увѣряютъ насъ, что первая часть литургіи была почти исключительно дидактическою. Изъ описаній Іустина мученика [1]) и Постановленій Апостольскихъ [2]) мы знаемъ, что литургія начиналась чтеніемъ св. Писанія и поученіемъ. Читались въ большомъ обиліи отрывки изъ разныхъ книгъ св. Писанія ветхаго и новаго Завѣта. Затѣмъ слѣдовало поученіе; поучалъ сначала епископъ; за нимъ дѣлали то же самое пресвитеры. Слѣдовательно этотъ актъ поученія былъ довольно продолжителенъ и выполнялся очень старательно. Такая постановка богослужебнаго проповѣдничества обусловливалась въ значительной степени не одною только основною цѣлію богослуженія, но и обстоятельствами времени, еще недалекаго отъ временъ апостольскихъ, когда распространеніе и утвержденіе вѣры среди окружающаго общества составляло главнѣйшую заботу церкви. Само собою понятно, что поученіе это тѣмъ болѣе было плодотворно, чѣмъ талантливѣе и искуснѣе были проповѣдники. Поэтому впослѣдствіи, особенно въ III в., мы видимъ, что предстоятели церквей старались отыскивать и поощрять ораторскіе таланты и христіанскую ученость для доставленія большаго успѣха церковному поученію. Это мы знаемъ, наприм., изъ исторіи извѣстнаго ученаго и оратора Оригена. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ III в. мы замѣчаемъ, что на церк. каѳедру начали проникать нѣкоторые нежелательные элементы свѣтскаго краснорѣчія. Такъ извѣстно, что Павелъ Самосатскій въ Антіохіи устроилъ для себя въ своей церкви высокую ораторскую трибуну и говорилъ съ нея рѣчи, сопровождая ихъ такими жестами и пріемами, какіе не всегда можно было встрѣтить и у свѣтскихъ ораторовъ.[3]) Этотъ поступокъ Павла конечно не нашелъ себѣ одобренія въ церкви, но самая его возможность составляетъ фактъ многознаменательный, ибо указываетъ на широкое и свободное развитіе церковно-богослужебнаго ораторства.

---

[1]) Iust. Apol. maj. cap. 67.
[2]) Constit. Apost. L. II. cap. 57. Lib. VII c. 5.
[3]) Eusebii Hist. eccles. Lib. VII. c. 30.

Еще болѣе широкую и живую постановку въ древне-христіанскомъ богослуженіи имѣлъ другой его элементъ, элементъ поэтическій. Уже въ посланіяхъ ап. Павла мы находимъ указаніе на пѣсни духовныя, т. е. составленныя христіанами подъ вліяніемъ новой духовной религіи. Проконсулъ Плиній въ извѣстномъ своемъ письмѣ къ имп. Траяну упоминаетъ о гимнѣ, воспѣваемомъ христіанами Христу какъ Богу. Римскій пресвитеръ Кай (II в.) указываетъ на весьма большое количество подобнаго рода пѣсней, написанныхъ вѣрными еще въ началѣ (απ' αρχης)[1]. И въ самомъ дѣлѣ, весьма естественно, что въ первые вѣка, когда религіозное одушевленіе, особенно подъ вліяніемъ гоненій, достигало крайней степени напряженія, религіозные гимны появлялись въ громадномъ количествѣ и конечно въ большей своей части усвоялись общественному богослуженію. Правда до нашего времени изъ этой громадной массы дошло чрезвычайно мало, но причина понятна. Причина — та, что элементъ пѣсненный въ перво-христіанскомъ богослуженіи былъ элементомъ живымъ, постоянно движущимся, преходящимъ, отвѣчавшимъ главнымъ образомъ текущимъ нуждамъ и настроеніямъ. Одни пѣснопѣнія являлись, вращались нѣкоторое время въ практикѣ; затѣмъ ихъ вытѣсняли новыя и т. д.

Эта подвижность въ области словесныхъ формъ богослуженія оправдывала и обусловливала собою тѣ разности въ текстѣ молитвъ и пѣсней, которыя въ такой большой мѣрѣ свойственны были богослуженію первыхъ вѣковъ. Даже такое центральное богослуженіе, какъ литургія, въ разныхъ мѣстахъ имѣла, хотя одно и то же содержаніе, но различное изложеніе, что засвидѣтельствовано съ полною несомнѣнностію сохранившимися до настоящаго времени памятниками. Въ первой половинѣ IV в., когда явилась надобность организовать церковное богослуженіе въ Константинополѣ, разности эти достигли повидимому особенно замѣтной силы, что и послужило отчасти поводомъ къ реформамъ въ области богослуженія, предпринятымъ около этого времени св. Василіемъ Великимъ. Въ новой столицѣ имперіи, принявшей въ себя христіанское населеніе и духовенство отъ разныхъ мѣстъ, богослуженіе въ началѣ по всей вѣроятности не

[1]) Euseb. Hist. eccl. Lib. V. cap. 28.

имѣло вполнѣ опредѣленныхъ и однообразныхъ формъ. Первымъ устроителемъ его здѣсь былъ св. Григорій Богословъ — другъ св. Василія — этого великаго организатора православнаго богослуженія. Григорій высоко цѣнилъ труды своего друга и, сдѣлавшись архіепископомъ Константинопольскимъ, конечно ввелъ здѣсь въ употребленіе выработанныя имъ формы. Затѣмъ все это было устроено и расширено св. Златоустомъ, который замѣнивъ, а частію только сокративъ текстъ литургическаго канона св. Василія, упрочилъ въ Константинополѣ эту форму литургіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ упорядочилъ и всѣ другія литургическія установленія Константинопольской церкви.

Дѣятельность Златоуста по части устройства византійскаго богослуженія вообще составляетъ исходный пунктъ всей исторіи и всего послѣдующаго развитія этого богослуженія. Дѣятельность эта опиралась на принципы древне-христіанской практики и была высшей степени многостороння и такъ сказать гармонична. Оба главные виды словесныхъ богослужебныхъ формъ— проповѣдничество и поэзія нашли въ немъ дѣятельнаго организатора. Въ частности, что касается поэзіи или пѣсненнаго элемента, то въ то время, когда Златоустъ сдѣлался архіепископомъ Константинопольскимъ, этотъ элементъ состоялъ тамъ повидимому главнымъ образомъ изъ псалмовъ. Фотій въ своей библіотекѣ сохранилъ извѣстіе изъ одного потерянаго сочиненія Ѳеодорита, гдѣ Златоусту усвояется забота объ устроеніи чина псалмовъ. На основаніи нѣкоторыхъ другихъ свидѣтельствъ, сохранившихся у древнихъ церковныхъ историковъ, особенно у Сократа, можно думать, что Златоустъ составлялъ также краткія пѣсни оригинально-христіанскаго содержанія, которыя въ IV в. извѣстны были подъ именемъ тропарей и были распространены повсюду въ городскихъ церквахъ. Тропари эти представляли собою коротенькія піэсы изъ двухъ трехъ строфъ и пѣлись обыкновенно въ перемежку со стихами псалмовъ, составляя какъ бы припѣвы для нихъ или междостишія.

Но въ особенности выдается дѣятельность Златоуста какъ устроителя проповѣдническаго элемента въ византійскомъ богослуженіи. Элементъ этотъ перешелъ въ Византію изъ древне-христіанской эпохи уже въ весьма развитомъ видѣ. Но здѣсь онъ получилъ еще большее развитіе и еще болѣе твердую постановку, благодаря трудамъ и таланту сначала Григорія Бого-

слова, который былъ въ Константинополѣ очень недолго, а затѣмъ главнымъ образомъ Златоуста, обладавшаго такимъ ораторскимъ талантомъ, который не допускаетъ никакого сравненія. Какъ былъ обиленъ ораторскій элементъ въ византійскомъ богослуженіи того времени и какъ много было въ немъ жизненности — это мы можемъ ясно видѣть изъ многихъ намековъ, содержащихся въ рѣчахъ и бесѣдахъ св. Златоуста. Здѣсь мы находимъ множество указаній на необыкновенное вниманіе и даже энтузіазмъ его слушателей. Возгласы восторга и громкія рукоплесканія нерѣдко прерывали его бесѣды. Онъ не всегда бывалъ доволенъ этими проявленіями одобренія и вниманія, но иногда и благодарилъ за нихъ, принимая ихъ за невольныя проявленія чувства, а можетъ быть и потому, что видѣлъ въ этомъ глубоко укоренившійся навыкъ, съ которымъ трудно бороться и который въ сущности не заключаетъ въ себѣ ничего дурнаго, если имъ не злоупотребляютъ. Нужно замѣтить, что въ концѣ IV в. употребленіе при произнесеніи церковныхъ словъ аплодисментовъ и одобрительныхъ возгласовъ было повидимому въ общемъ употребленіи и никого не удивляло. Мы имѣемъ замѣчательное свидѣтельство на этотъ счетъ отъ конца IV в. одной западной паломницы по св. мѣстамъ Сильвіи, которая, разсказывая объ огласительныхъ поученіяхъ, произнесенныхъ въ церкви св. Гроба въ Іерусалимѣ тамошнимъ епископомъ, говоритъ какъ о чемъ-то обыкновенномъ объ одобреніяхъ слушателей, на столько громкихъ, что они слышны были далеко за дверьми церкви, хотя двери эти были заперты [1]). Въ послѣдующее время обычай этотъ мало по малу вышелъ изъ употребленія можетъ быть самъ собою за оскудѣніемъ ораторскихъ талантовъ среди церковныхъ проповѣдниковъ. Для времени Златоуста онъ характеристиченъ тѣмъ, что указываетъ на необыкновенную жизненность церковнаго проповѣдничества его времени. Можно безъ преувеличенія сказать, что въ его время эта богослужебная форма имѣла преобладающее значеніе въ общей системѣ богослуженія, или, по крайней мѣрѣ, возбуждала наибольшей интересъ. Это

---

[1]) Прав. Палест. Сборникъ, т. VII: Peregrinatio ad loca sancta p. 69: tantae voces sunt collavdantium, ut porro foras ecclesiae audiatur voces eorum.

видно между прочимъ изъ того, что въ то время, какъ свидѣтельствуетъ Златоустъ, многіе ходили въ церковь единственно для того, чтобы послушать проповѣдь, и по выслушаніи ея удалялись, что̀ и послужило отчасти причиною того, что проповѣдь съ начала литургіи отнесена была къ ея концу.

Итакъ, при Златоустѣ въ концѣ IV и въ началѣ V в. византійское богослуженіе вполнѣ покоилось на основахъ древнехристіанскаго. Два главные его элемента дидактическій и поэтическій представляли собою явленіе жизненное и подвижное, при чѣмъ элементъ дидактическій или проповѣднический, благодаря ораторскому генію Златоуста, значительно преобладалъ надъ поэтическимъ, который сравнительно былъ менѣе развитъ.

Такъ было при Златоустѣ. Такъ ли было послѣ него съ V по IX в.? Элементъ проповѣднический послѣ Златоуста конечно трудно было удержать на той же высотѣ. Для этого нужно было, чтобы преемники Златоуста обладали такимъ же талантомъ, какъ и онъ. И мы дѣйствительно видимъ, что послѣ Златоуста проповѣднический элементъ въ византійскомъ богослуженіи уже далеко не такъ бросается въ глаза своимъ обиліемъ и широкой постановкой. Но это не значитъ, что онъ заглохъ и омертвѣлъ. Этого не могло быть уже по тому одному, что онъ издревле составлялъ существенную форму, обусловленную въ своемъ существованіи самымъ содержаніемъ и цѣлію богослуженія. Это значитъ только, что онъ снова принялъ свои обычные надлежащіе размѣры, которые талантомъ Златоуста были раздвинуты нѣсколько болѣе обыкновеннаго. И въ послѣдующее время мы встрѣчаемъ въ Византійской церкви талантливыхъ и учительныхъ пастырей, которые способны были вполнѣ удовлетворять учительной цѣли богослуженія. Таковы Проклъ, ученикъ Златоуста, Анатолій, Германъ, Тарасій и др. Изъ конца VII в. мы имѣемъ свидѣтельство, изъ котораго видно, что проповѣдь и въ то время была обязательно ежедневною. Девятнадцатое правило Трулльскаго собора гласитъ: «Предстоятели церквей должны по вся дни наипаче же въ дни воскресные поучати весь клиръ и народъ словесамъ благочестія, избирая изъ божественнаго писанія разумѣнія и разсужденія истины и не преступая положенныхъ уже предѣловъ и преданія богоносныхъ отецъ: и аще будетъ изслѣдуемо слово писанія, то не инако да изъясняютъ оное, развѣ какъ изложили свѣтила и учители

церкви въ своихъ писаніяхъ и сими болѣе да удовлетворяются, нежели составленіемъ собственныхъ словъ, дабы при недостаткѣ умѣнія въ семъ не уклониться отъ подобающаго». Отсюда видно, что въ концѣ VII в. (680 г.) въ Византіи обычай ежедневнаго проповѣдничества былъ настолько общераспространеннымъ, что отъ него не осмѣливались отступать даже мало способные и мало подготовленные къ проповѣдничеству пастыри. Соборъ подтверждаетъ обычай, но находитъ нужнымъ ограничить усердіе малоспособныхъ церковною цензурою. Позднѣе, въ концѣ VIII и началѣ IX в., мы видимъ тоже обиліе богослужебнаго дидактизма и туже его жизненность. Въ этомъ отношеніи важно для насъ свидѣтельство Игнатія митрополита Никейскаго о патріархѣ Тарасіи, который былъ дѣдомъ Фотія. Игнатій, ученикъ Тарасія, въ такихъ выраженіяхъ вспоминаетъ о своемъ учителѣ: «Не забуду я полезныхъ наставленій твоихъ и времени, проведеннаго въ скудномъ служеніи тебѣ. У тебя провелъ я цвѣтущую и веселую юность мою, отъ тебя получалъ лучшіе уроки о триметрахъ, тетраметрахъ, трохеяхъ, анапестахъ и героикахъ; тогда предметомъ занятій моихъ были поученія твои, которыя предлагалъ ты *каждый день* къ пользѣ св. церкви. Я старался записывать ихъ скорописью и отдавалъ для переписыванія лучшимъ писцамъ. Если забуду тебя пусть забудетъ меня Богъ» [1]). Такимъ образомъ еще и въ началѣ IX в. ежедневная проповѣдь при богослуженіи имѣла мѣсто и слѣдовательно этотъ элементъ далеко не омертвѣлъ, а имѣлъ надлежащее положеніе и развитіе. Нельзя впрочемъ не сознаться, что въ это время онъ былъ менѣе на виду, чѣмъ другой, т. е. элементъ поэтическій.

Исторія этого послѣдняго, т. е. поэтическаго, элемента въ византійскомъ богослуженіи представляетъ собою массу характеристическихъ и любопытныхъ до неожиданности фактовъ. Мы видѣли, какъ сравнительно не великъ былъ объемъ пѣснопѣнія въ Византіи при Златоустѣ. Но послѣ Златоуста начинается періодъ постепеннаго и необыкновенно быстраго развитія гимнографіи. Въ половинѣ V в. патріархъ К—ій Анатолій обогатилъ гимнографическій матеріалъ, бывшій въ употребленіи до того времени, и состоявшій изъ тропарей, весьма значительнымъ количествомъ пѣснопѣній

[1]) Acta sanctor. Februar. 25 p. 573, 580.

извѣстныхъ подъ именемъ стихиръ восточныхъ или анатоліевыхъ, посвященныхъ главнымъ образомъ прославленію памятей святыхъ. Спустя нѣсколько времени въ началѣ VI в. въ области визант. гимнографіи произвелъ необычное движеніе и, можно сказать, переворотъ Романъ Сладкопѣвецъ, родомъ сиріянинъ, но жившій въ Константинополѣ и бывшій діакономъ при одной изъ Константинопольскихъ церквей. Даръ поэзіи открылся у него внезапно послѣ горячей молитвы, вызванной насмѣшками его сотоварищей пѣвцевъ. Онъ началъ составлять гимны особой конструкціи, извѣстные подъ именемъ кондакарей. Это — довольно длинныя стихотворенія, состоявшія обыкновенно изъ одного заглавнаго куплета, называвшагося кондакомъ и 24 (по числу буквъ алф.) или болѣе (по числу буквъ акрост.) другихъ куплетовъ, называвшихся икосами. Романъ написалъ громадное количество этого рода пѣснопѣній. Нѣкоторые насчитываютъ ихъ до 4000. Богослужебная гимнографія въ высокой степени была украшена ими и ей стало уже какъбы тѣсно въ той обстановкѣ, въ которой она была до сихъ поръ, такъ что построеніе Юстиніаномъ великолѣпнаго храма св. Софіи, которая снабжена была многочисленнымъ штатомъ духовенства и хорами пѣвцевъ пришлось какъ разъ во время. Кондакари Романа повидимому довольно долго составляли въ богослужебной виз. поэзіи господствующій элементъ и не безъ основанія. Это — истинно поэтическія произведенія высокой цѣны. Одинъ изъ новѣйшихъ нѣмецкихъ изслѣдователей византійскій литературы Крумбахеръ говоритъ о Романѣ, можетъ быть не безъ нѣкотораго впрочемъ преувеличенія, что «литературная исторія будущаго можетъ быть почтитъ Романа титуломъ величайшаго религіознаго поэта всѣхъ временъ» [1]). Но какъ ни высоко цѣнны были произведенія Романа, принципъ, созидавшій исторію виз. богослуженія, не дозволялъ имъ оставаться въ его составѣ навсегда. Мало по малу онѣ были вытѣснены новыми не менѣе стройными пѣснопѣніями. Въ первой половинѣ VII в. при патріархѣ Сергіи вошелъ въ употребленіе особый родъ пѣснопѣнья, составлявшій впрочемъ подражаніе кондакарямъ Романа, извѣстный подъ именемъ акаѳиста. Состав-

[1]) Krumbacher, Geschicte der byzantt. Litteratur München 1871 p. 316.

леніе перваго изъ нихъ приписывается Георгію Писидѣ діакону Великой Церкви и референдарію патріарха. Но особенное развитіе византійская гимнографія получаетъ въ VIII в. когда начали появляться такъ называемые каноны, сдѣлавшіеся вскорѣ господствующимъ родомъ византійской гимнографіи. Къ VIII в. относится гимнографическая дѣятельность Андрея Критскаго, Германа Константинопольскаго, Іоанна Дамаскина, Козьмы Майюмскаго, Стефана Савванта, а къ первой половинѣ IX—дѣятельность Ѳеодора и другихъ Студитовъ, Ѳеофана начертаннаго, Кассіи благородной дѣвицы невѣсты имп. Ѳеофила, а потомъ монахини, Меѳодія патріарха Константинопольскаго, Игнатія митрополита Никейскаго и др. Словомъ, ко времени Фотія развитіе гимнографическаго элемента въ византійскомъ богослуженіи достигло какъ бы своего апогея. Написано было и вошло въ церковное употребленіе множество пѣснопѣній можетъ быть цѣлые десятки тысячъ; составились громадные гимнологическіе сборники: тропологіи, кондакаріи, ирмологіи, тріоди, минеи, параклитики и т. п. Если внимательно пересмотрѣть всю эту массу гимнологическихъ сборниковъ, и не только тѣ, которые извѣстны нынѣ по печатнымъ изданіямъ, но и рукописные, то можно уловить нѣкоторыя особенности въ развитіи этой формы византбогослуженія, особенности далеко не гармонирующія съ принятымъ мнѣніемъ о византинизмѣ. Невольно поражаешься необыкновеннымъ обиліемъ гимнографическаго матеріала, разнообразіемъ его формъ и множествомъ авторовъ. Выше мы упомянули имена только самыхъ выдающихся авторовъ, но извѣстно еще очень много другихъ, имена коихъ сохранились частію въ печатныхъ богослужебныхъ книгахъ, частію въ рукописныхъ, частію у разныхъ церковныхъ писателей. Вообще, авторовъ было чрезвычайно много, и это не были только представители высшей іерархіи, но, можно сказать, всякаго званія люди — низшіе клирики, монахи, свѣтскіе люди, цари и даже женщины. Повидимому, вся поэтическая дѣятельность грековъ направилась къ церковному амвону, гдѣ хоры пѣвцовъ мелодически исполняли церковныя пѣснопѣнія и гдѣ поэтическіе таланты находили себѣ пріютъ, поощреніе и удовлетвореніе. Видно, что въ устройствѣ гимнографическихъ формъ принималъ живѣйшее участіе весь православный народъ — и архипастырство и царская власть и простые вѣрующіе. — По всей вѣроятности, впрочемъ, въ церковное упо-

требленіе далеко не все попадало, что писалось, а что поподало— не все долго держалось. Доступъ къ церковному употребленію для гимнографическихъ произведеній вѣроятно былъ обставленъ какой нибудь процедурой; вѣроятно произведенія эти предварительно разсматривались предстоятелями церкви. Это требовалось существомъ дѣла. Если же, не смотря на эту цензуру, попадали въ церковное употребленіе пѣснопѣнія, не вполнѣ удовлетворительныя, то ихъ карала уже другая цензура — цензура слушателей. И этимъ, конечно, объясняется, что многія гимнографическія произведенія мало по малу вышли изъ употребленія, и совершенно забыты, хотя и сохранились въ старыхъ рукописяхъ. Словомъ, развитіе въ области гимнографіи происходило на основаніи древне-христіанскаго принципа. Матеріалъ постоянно обновлялся; старое замѣнялось болѣе новымъ, болѣе совершеннымъ и болѣе интереснымъ. Только такія піесы, которыя особенно выдавались важностію содержанія при необыкновенной красотѣ формы и глубинѣ чувства, переживали свое время и даже совсѣмъ оставались въ составѣ богослуженія.—Неудивительно, такимъ образомъ, что этотъ элементъ, будучи въ высшей степени жизненнымъ, возбуждалъ къ себѣ особый интересъ, былъ особенно привлекательнымъ и вліятельнымъ. Форма гимновъ не была уже правда классическою, но она была болѣе доступна вкусамъ того вѣка, когда греческій народъ уже въ значительной степени потерялъ способность и вкусъ къ классической метрикѣ [1]). Что же касается содержанія и свѣжести чувства, заключеннаго въ этой формѣ, безспорно поэтической, то въ этомъ отношеніи можно найти въ греческой гимнографіи многое неподражаемое и безсмертное. Эти достоинства можно чувствовать въ нѣкоторыхъ пѣснопѣніяхъ даже тогда, когда читаешь ихъ не въ подлинникѣ, а въ славянскомъ, буквальномъ и не совсѣмъ вразумительномъ, переводѣ.

Изъ сказаннаго можно кажется заключить, что византійское богослуженіе во времена Фотія было учрежденіемъ въ высшей степени жизненнымъ, а потому особенно вліятельнымъ и привлекательнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, приходя въ церковь, грекъ-ви-

---

[1]) О формѣ византійскихъ гимновъ см. Krumbacher, Gesch. byz. Litteratur p. 330 sq, и Ловягина «О формѣ церковныхъ пѣснопѣній», рѣчь на актѣ Спб. Дух. Акад. 1876; здѣсь разобраны мнѣнія объ этомъ предметѣ Христа и Питры и др.

зантіецъ слушалъ на своемъ родномъ, богатомъ, въ высокой степени выработанномъ, языкѣ св. Писаніе, краснорѣчивыя поученія, затрогивавшія очень часто злобы дня; онъ слушалъ затѣмъ исполненіе пѣвцами разнообразныхъ поэтическихъ произведеній, проникнутыхъ глубокимъ чувствомъ и имѣющихъ прекрасную форму. Присоединимъ сюда богатый и разнообразный церемоніалъ, роскошную и художественную обстановку великолѣпнаго храма — и впечатлѣніе должно получиться поражающее. Византійцы хорошо понимали это. Не даромъ они водили въ храмъ св. Софіи пословъ Владиміра. На пословъ произвели впечатлѣніе конечно главнымъ образомъ церемоніальность и пышность, такъ какъ содержаніе едва ли имъ могло быть доступно. Но тѣмъ естественнѣе должна была явиться у Византійцевъ того времени, да и послѣ, мысль объ увеличеніи и упроченіи этого впечатлѣнія посредствомъ передачи самого содержанія богослуженія или перевода его на понятный для новокрещеннаго народа языкъ.

Какъ относился Фотій къ современному ему богослуженію? Понималъ ли онъ его значеніе и принималъ ли какое участіе въ его устройствѣ? Дѣятельность Фотія по отношенію къ богослуженію затѣнена дѣятельностію его въ другихъ сферахъ. Однакожъ немногіе, извѣстные, факты, выставляютъ его и здѣсь какъ мужа великаго ума и энергіи. Соберемъ эти факты. — Во первыхъ, что касается его участія въ богослужебномъ поученіи то, принимая во вниманіе его высокое образованіе и талантливость, его необыкновенную ревность о распространеніи истинъ христіанской вѣры и вообще христіанскаго просвѣщенія, можно уже a priori сказать, что онъ и здѣсь находился на высотѣ своего положенія и былъ активнымъ участникомъ въ наполненіи этой формы надлежащимъ содержаніемъ. Но у насъ есть и фактическія доказательства. До насъ дошло около 20 бесѣдъ Фотія, которыя и своей формой, и своимъ содержаніемъ указываютъ на то, что Фотій былъ далеко не заурядnымъ ораторомъ. Не только чистота и плавность языка, но и горячность чувства составляютъ ихъ отличительныя свойства. Какъ на особенность его краснорѣчія нужно указать также на рѣзкій обличительный тонъ его проповѣдей, на строгость и суровость обличеній, что конечно не могло нравиться его изнѣженнымъ слушателямъ. Этимъ и объясняется то, что онъ по его собственному свидѣтельству «своими

рѣчами не возбуждалъ театральныхъ рукоплесканій» [1]). Но зато онъ умѣлъ вызывать у своихъ слушателей слезы. Въ первой своей бесѣдѣ на нашествіе Россовъ онъ находитъ себя вынужденнымъ нѣсколько разъ приглашать своихъ слушателей прекратить слезные вопли, вызванные не одною опасностію, но и краснорѣчіемъ оратора. «Не вопійте, говоритъ онъ—не шумите... остановите ваши слезы, перестаньте плакать и будьте мужественны» [2]) и т. д. Но при этомъ онъ и самъ плакалъ. Эти бесѣды на нашествіе Россовъ особенно знамениты. Что касается остальныхъ, то онѣ доселѣ мало извѣстны. По перечнямъ ихъ можно насчитать болѣе 20 [3]). Это — конечно не много, но это не значитъ, что только и было сказано имъ бесѣдъ. Несомненно, что большая часть его проповѣдей, частію не были своевременно записаны, частью потеряны. Изъ приведеннаго выше свидѣтельства Игнатія мы видѣли, что въ Византіи ежедневныя поученія при богослуженіи произносились проповѣдниками безъ записей. Записи дѣлали охотники-скорописцы или стенографы изъ слушателей, а таковые не всегда могли случиться. При томъ же и сдѣланныя записи далеко не всѣ могли сохраниться до позднѣйшихъ вѣковъ. Игнатій усердно записывалъ за Тарасіемъ, но изъ бесѣдъ Тарасія сохранилось очень и очень мало. Что Фотій проповѣдывалъ очень часто, очевидно впрочемъ и изъ сохранившихся его бесѣдъ. Въ одной изъ нихъ онъ говоритъ на примѣръ, «часто я увѣщевалъ васъ и говорилъ вамъ даже грозно.. часто я вопіялъ, поражалъ васъ.. часто внушалъ я вамъ [4])

---

[1]) Архимандритъ Порфирій, Четыре бесѣды Фотія. С.-Петерб. 1864, стр. 7, примѣч.

[2]) Тамъ же, стр. 13-

[3]) Въ сборникѣ бесѣдъ Фотія, найденномъ архимандр Порфиріемъ въ библіотекѣ Иверскаго монастыря на Аѳонѣ, значится 24 бесѣды, а на лицо находится только 17 (см. Первое путеи. въ Аѳонскіе монастыри. Приложенія ко 2 му отд. 2 й части, стр. 388—400). Четыре изъ нихъ изданы Порфиріемъ въ русск. пер. и отчасти съ греческимъ текстомъ, между ними и двѣ бесѣды на нашествіе Россовъ. Греческій текстъ этихъ двухъ бесѣдъ переизданъ Наукомъ (Nauk, Lexicon Vindobonense, Petrop. 1867 p. 201) и Мюллеромъ (Muller Fragm. hist. graec , Vol. 5 p. 162—173). Двѣ бесѣды извѣстны по изданію Миня (Migne, Patrol. curs. t. 102, c. 548 - 875).

[4]) Архимандр. Порфирій, Четыре бесѣды—стр 6.

и т. п. Нельзя думать, чтобы здѣсь разумѣлись только сохранившіяся проповѣди.

Какъ относился патріархъ Фотій ко второй разсмотрѣнной нами формѣ богослуженія, къ богослужебной поэзіи? Фотій не былъ поэтомъ; онъ былъ ученымъ, мыслителемъ, юристомъ, администраторомъ, но не поэтомъ. Однакожъ онъ обладалъ глубоко развитымъ и горячимъ религіознымъ чувствомъ (что въ области религіи часто замѣняетъ даръ поэзіи) и очень хорошо знакомъ былъ съ техникой стихосложенія, которую могъ передавать и другимъ. Ученикъ его императоръ Левъ чрезъ него такъ хорошо ознакомился съ этой техникой, что написалъ нѣсколько очень хорошихъ церковныхъ гимновъ, которые и въ настоящее время находятся въ церковномъ употребленіи По этому, не было бы ничего удивительнаго, еслибы и Фотій составлялъ гимны. И онъ дѣйствительно дѣлалъ опыты въ этомъ родѣ, хотя очень не много. По богослужебнымъ книгамъ извѣстны только двѣ стихиры его въ честь патріарха Меѳодія въ службѣ на 14 іюня. Нѣкоторые думаютъ, что и канонъ Меѳодію, не имѣющій надписи, принадлежитъ ему же [1]). По изданію Никодима Святогорца — Θεοτοκάριον νέον—извѣстно еще нѣсколько каноновъ Фотія въ честь пресв. Богородицы [2]), а по изданію Миня [3]) три стихотворенія его на коронованіе императора Василія. Но о послѣднихъ неизвѣстно впрочемъ, назначались ли онѣ для церковнаго употребленія, или это были стихотворенія, такъ сказать, поздравительныя. Можетъ быть писано Фотіемъ и еще что либо въ гимнографическомъ родѣ, но во всякомъ случаѣ сравнительно не многое. Это не значитъ, впрочемъ, что онъ равнодушно относился къ гимнографіи и не понималъ ея значенія. Свое вниманіе и участіе къ устроенію и развитію этого важнаго литургическаго элемента онъ выказалъ главнымъ образомъ посредствомъ своего покровительства современнымъ ему гимнографамъ. Современниками его были два выдающіеся гимнографа: Георгій, архіепископъ Нико-

---

[1]) Преосв Филаретъ, архіеп. Черниговскій. См. его Историч. обзоръ пѣснописцевъ изд. 2. Черниг. 1864 г. стр. 344.

[2]) Στέφανος τῆς Ἀειπαρθένου ἤτοι Θεοτοκάριον νέον. . . . ἐκ τῶν τοῦ ἁγίου ὄρους χειρογράφων βιβλίων . . . συνταχθὲν . . . παρὰ Νικοδήμου μοναχοῦ τοῦ Ναξίου. Ἐνετίησιν 1796. См. Порфирія Исторія Аѳона III. 503, 504.

[3]) Migne, Patrolog. curs. t. 102, c. 576.

модійскій и особенно Іосифъ пѣснопѣецъ [1]). Георгій былъ личный другъ Фотія и имъ посвященъ въ епископы. Они переписывались, и въ одномъ изъ писемъ Фотій называлъ его поэтомъ. Онъ дѣйствительно былъ поэтомъ и довольно обильнымъ. Имъ составлено довольно значительное количество каноновъ и тропарей, которые при Фотіи введены были въ церковное употребленіе. Іосифъ былъ по происхожденію и воспитанію сицилійскій грекъ и много пострадалъ отъ иконоборцевъ. Онъ былъ въ ссылкѣ въ Херсонесѣ и возвращенъ былъ императрицею Ѳеодорою. Фотій чрезвычайно уважалъ его, называлъ его отцемъ отцевъ, ангеломъ Божіимъ и сдѣлалъ его духовникомъ всего Константинопольскаго клира. Гимнографическая дѣятельность Іосифа была необыкновенно обильна. Ему прописывается до 300 каноновъ, изъ которыхъ болѣе половины и доселѣ еще находятся въ употребленіи. Фотій очевидно сочувствовалъ этой дѣятельности и даже поощрялъ ее. Это можно видѣть изъ того, что въ благодарственное молебствіе по случаю избавленія отъ Руссовъ онъ ввелъ стихиры Іосифа, вѣроятно и составленныя по его порученію. Въ доказательство покровительственнаго отношенія патр. Фотія къ современнымъ ему церковнымъ поэтамъ можно кажется привести еще слѣдующій фактъ. Въ Уставѣ богослуженія Іерусалимской церкви на страстную седмицу, составленомъ не позднѣе X в. и издаваемомъ нынѣ при журналѣ Православный Собесѣдникъ, извѣстная стихира: «Господи, иже во многіе грѣхи впадшая жена» приписывается Фотію — ποίημα Φωτίου πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως [2]). Между тѣмъ достовѣрно извѣстно, что эта прекрасная стихира—одно изъ лучшихъ произведеній византійской гимнографіи — принадлежитъ не Фотію, а современницѣ его извѣстной, упомянутой нами выше, монахини Кассіи или Икасіи Что же означаетъ здѣсь надписаніе имени Фотія? Намъ кажется это означаетъ то, что стихира послана въ Іерусалимъ и рекомендована для богослужебнаго употребленія патріархомъ Фотіемъ, заботившимся о повсемѣстномъ распространеніи лучшихъ твореній литургическихъ поэтовъ.

---

[1]) О Георгіи и Іосифѣ см. Филарета. Истор. Обзоръ пѣснописцевъ стр. 345, 360.

[2]) Богослуженіе страстной и пасхальной седмицы въ Іерусалимѣ по Уставу IX—X в. изд. Дмитріевскаго. Отд. прил. въ Прав. об. стр. 74.

Изъ этихъ фактовъ можно видѣть, что патріархъ Фотій хорошо понималъ значеніе богослуженія и дѣятельно участвовалъ въ томъ движеніи и развитіи, которое въ его время въ столь значительной степени было свойственно византійскому церковному культу. Мало того: мы знаемъ, что Фотій, понимая это значеніе культа и зная о его привлекательности для народа, умѣлъ хорошо пользоваться имъ для достиженія практическихъ цѣлей, для искорененія наприм. изъ жизни народа остатковъ языческаго культа. Для доказательства этого имѣется, хотя и недостаточно засвидѣтельствованный, но вполнѣ достовѣрный фактъ изъ его дѣятельности. Извѣстно, что разные языческіе обычаи въ частномъ, а отчасти и въ общественномъ быту византійцевъ, унаслѣдованные отъ классическаго культа, весьма долго имѣли силу; бороться съ ними было чрезвычайно трудно; даже чисто гражданскія, иногда очень строгія, мѣры, предпринимаемыя императорами, мало имѣли силы. Трулльскій соборъ свидѣтельствуетъ, что въ его время, т. е. въ концѣ VII в. въ Византіи соблюдались еще такъ называемыя Вота, Календы, Врумаліа и народное сборище въ 1-й день марта мѣсяца (пр. 62) Кромѣ того, «въ новомѣсячія (существовало), возжиганіе нѣкоторыми предъ своими лавками и домами костровъ, чрезъ кои по нѣкоему старинному обычаю безумно скакали» (пр. 65) Вальсамонъ въ XII в., объясняя 65 правило, гдѣ говорится объ этомъ, сообщаетъ, что язычники и многіе изъ православныхъ во времена Трулльскаго собора скакали черезъ костры «думая, что чрезъ это сожигаютъ можетъ быть имѣющія случиться съ ними несчастія и получатъ другія блага». Соборъ запретилъ всѣ эти обычаи, но по всей вѣроятности запрещеніе это не вдругъ получило свое дѣйствіе. Во времена Вальсамона скаканіе черезъ костры въ новомѣсячіе вышло уже изъ употребленія, но оставался другой подобный обычай, совершавшійся 23 іюня на морскомъ берегу. Что касается скаканія въ первый день мѣсяца, то Вальсамонъ говоритъ, что «вмѣсто того въ начальный день каждаго мѣсяца вѣрнымъ народомъ совершаются умилостивительныя молитвы и церковныя освященія и мы окропляемся водою благословенія, а не противленія» [1]). Итакъ, въ XII в. въ замѣнъ

[1]) Правила Соборовъ, изд. Чтеній общ. люб. дух. прав. ч. I, стр. 496.

языческаго обычая совершалось въ первый день каждаго мѣсяца молебствіе съ освященіемъ воды. Кѣмъ совершена была эта замѣна? Вальсамонъ объ этомъ ничего не говоритъ. Но объ этомъ говоритъ одинъ, хотя позднѣйшій, но вполнѣ достовѣрный писатель—Максимъ грекъ Святогорецъ. Онъ говоритъ, что замѣна эта совершена была патріархомъ Фотіемъ, который будто бы составилъ соборъ и положилъ освящать воду въ началѣ каждаго мѣсяца. На соборѣ этомъ составленъ былъ и чинъ освященія воды ежемѣсячнаго, чинъ который совершается и на Аѳонѣ [1]). Очевидно Максимъ на Аѳонѣ читалъ акты собора и видѣлъ чинъ, можетъ быть и надписанный именемъ Фотія. И слѣдоват, въ достовѣрности свѣдѣній, сообщаемыхъ Максимомъ, едвали можно сомнѣваться. А если такъ, то отношенія Фотія къ культу выступаютъ предъ нами въ новомъ, еще болѣе привлекательномъ видѣ. Онъ не только заботился объ устройствѣ его составныхъ частей, но и умѣлъ пользоваться имъ для пропаганды христіанства и искорененія язычества.

Мы подошли такимъ образомъ къ вопросу, который наиболѣе интересенъ для насъ русскихъ и который невольно возникаетъ послѣ всего сказаннаго. Если таково было отношеніе Фотія къ богослуженію, то не ему ли принадлежитъ иниціатива воспользоваться имъ для наиболѣе прочнаго насажденія христіанства среди славянъ посредствомъ перевода его на славянскій языкъ? Положительный отвѣтъ болѣе, чѣмъ вѣроятенъ. Не имѣя намѣренія входить здѣсь въ подробный разборъ основаній для такого отвѣта, мы ничего не находимъ сказать въ заключеніе лучшаго, кромѣ того, что сказано здѣсь же на этомъ мѣстѣ назадъ тому 25 лѣтъ извѣстнымъ профессор. славистомъ В. И. Григоровичемъ. Въ своей рѣчи на первомъ торжественномъ университетскомъ актѣ въ 1866 г. онъ, сказавъ о трехъ главныхъ фактахъ, въ которыхъ проявилось отношеніе Византіи къ славянамъ въ IX в. а именно: обращеніи руссовъ, обращеніи болгаръ и подвигахъ солунскихъ братьевъ и указавъ на взаимную связь эихъ фактовъ, спрашиваетъ: «чьи же заботы, чья мысль присутствовали при совершеніи этихъ событій»? А затѣмъ отвѣчаетъ: «Если какъ всякая, такъ и въ особенности просвѣтительная дѣятель-

[1]) Сочиненія Максима грека, изд. Каз. Дух. Ак. 1859—62 г. ч. 3, стр. 118—122.

ность носитъ на себѣ необходимый отпечатокъ самой личности дѣятеля, то правдивая исторія должна озарить эти событія именемъ одного безсмертнаго избранника. Слѣдуя ея прямымъ указаніямъ, хотя бы и оставляли насъ памятники, объясняющіе вполнѣ смыслъ фактовъ, мы не можемъ не признать *единственнымъ ихъ виновникомъ патріарха Фотія*». И затѣмъ нѣсколько далѣе: «сознавая возможность благоразумнаго примѣненія въ сферѣ христіанства народныхъ языковъ и стоя выше современниковъ въ пониманіи значенія перевода св. книгъ, *Фотій и никто другой*, могъ постигнуть необходимость славянскаго богослуженія и безъ сомнѣнія первый благословилъ его благовѣстъ среди сѣверныхъ народовъ» (стр. 7—8).